

ИНСТИТУТ ПОКАЗАНИЙ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

С. А. НОВИКОВ*

В статье раскрыты тенденции развития института показаний в свете таких направлений современной уголовно-процессуальной политики России, как гуманизация и повышение защищенности личности, укрепление режима законности, дифференциация уголовно-процессуальных форм, оптимальное распределение прав и обязанностей между властными субъектами уголовного процесса. Дан подробный анализ актуальных проблем рассматриваемого института и предложены пути их решения. В частности, обосновывается необходимость укрепления мер защиты допрашиваемых лиц, усиления уголовной ответственности за лжесвидетельство, сужения области применения положений гл. 40 УПК РФ, а также наделения прокурора правом участвовать в допросах и других следственных действиях на стадии предварительного расследования. Особое внимание уделено вопросу допустимости полученных показаний при различных нарушениях закона.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: показания, допрос, уголовно-процессуальная политика, доказательственное право, законность, допустимость доказательств, полномочия прокурора.

Новиков Сергей Александрович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры
уголовного процесса
и криминалистики
Санкт-Петербургского
государственного университета

NOVIKOV S. A. THE INSTITUTE OF TESTIMONY IN THE LIGHT OF THE MODERN CRIMINAL PROCEDURAL POLICY OF RUSSIA: DEVELOPMENT TRENDS AND URGENT PROBLEMS

The article reveals the trends of development of the institute of testimony in the light of such developments of Russian modern criminal procedural policy as the humanisation and enhancement of a person's security, strengthening legality, differentiation of criminal procedural forms, optimal allocation of rights and obligations to the authorities engaged in criminal procedure. The author analyses in detail the urgent problems of the said institute and proposes means of their

* Novikov Sergey Aleksandrovich — candidate of legal sciences, associate professor of the department of criminal procedure and criminalistics of the St. Petersburg State University.

© С. А. Новиков, 2013
E-mail: san33@mail.ru

solution. In particular, the author proves the necessity of strengthening measures of protection in respect to examined persons, to strengthen criminal liability for false testimony, to narrow the application of Chapter 40 of the Criminal Procedural Code of Russia, as well as to confer to the prosecutor the right to take part in the examination and other investigatory actions during the preliminary investigation. Special attention is paid to admissibility of the received testimony in case of different violations of law. KEYWORDS: testimony, examination, criminal procedural policy, evidence law, legality, admissibility of evidence, prosecutor's powers.

Вопросы влияния уголовно-процессуальной политики государства на различные процессуальные институты и практику производства по уголовным делам незаслуженно остаются в нашей стране в числе наименее изученных, обделенных вниманием правоведов. На причины подобного отношения верно указал З. З. Зинатуллин, напомнив, что в 1990-е годы, в условиях коренных преобразований, в России все пресытились политикой и даже к использованию этого слова в правовой науке стали относиться настороженно.¹ Между тем нельзя отрицать, что уголовно-процессуальное законодательство и практика его применения формируются под ощутимым влиянием проводимой властью политики.

В науке уголовного процесса под уголовно-процессуальной политикой принято понимать отношение государственной власти к расследованию преступлений и судебному рассмотрению уголовных дел. Власть определяет, на каких принципах будет строиться уголовный процесс, каким образом должны устанавливаться обстоятельства преступления, каков порядок привлечения лица к уголовной ответственности, каковы возможные меры процессуального принуждения, в каком порядке виновному лицу назначается наказание, а невиновное — реабилитируется и т. д.²

Очевидно, что общие тенденции уголовно-процессуальной политики должны проявляться через конкретные формы и институты, в том числе — посредством доказательственного права. Ведь доказывание давно признано стержнем всей уголовно-процессуальной деятельности. В свою очередь, к числу важнейших институтов доказательственного права следует отнести показания различных участников процесса. Именно получение, проверка и оценка показаний могут, на наш взгляд, рассматриваться в качестве своеобразного индикатора, позволяющего лучше уяснить содержание и основные направления проводимой в стране политики.

Так, судебная реформа 1864 г., состоявшаяся по воле Императора Александра II, была нацелена на водворение в России суда «скорого, правого, милостивого и равного для всех подданных». Этот импульс власти не замедлил сказаться на институте показаний, ценность и значение которых стали зависеть не от формальных требований к их количеству («совершенным доказательством» прежде считались согласованные показания не менее чем двух свидетелей) и источнику (показания свидетеля-мужчины

¹ Зинатуллин З. З. Вновь о направлениях и некоторых вопросах методологии исследований в сфере уголовно-процессуальной науки // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. № 4. С. 161.

² Александров А. И. Уголовно-процессуальная политика Российской Федерации на современном этапе: понятие и основные направления // Ученые записки Санкт-Петербургского им. В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2010. № 2 (36). С. 11.

ценились выше показаний женщины, показания духовного лица — выше показаний лица светского, показания знатного лица — выше показаний незнатного, показания ученого лица — выше показаний неученого), а от силы воздействия, оказанного ими на сознание судей. Собственное признание обвиняемого также перестало считаться «лучшим свидетельством всего света»; теперь оно оценивалось наряду с другими доказательствами. По наблюдению А. Ф. Кони, в измененном процессе «убеждение в виновности подсудимого не зависит от его сознания в факте, вызываемого иногда отчаянием, расчетом, побуждениями великодушия относительно действительно виновных и т. п., а нарастает постепенно из ряда обстоятельств, обнаруживаемых при разбирательстве дела».³

Совсем другие тенденции характеризовали отечественную уголовно-процессуальную политику накануне репрессий 1930-х годов, о чем свидетельствуют сформулированные Наркоматом юстиции РСФСР тезисы задуманной реформы: «создать процесс, который бы гарантировал возможность быстрой, в случае необходимости — жестокой репрессии со стороны пролетарской власти в отношении своих классовых врагов».⁴ Эти тенденции в полной мере отразились на порядке получения показаний (прежде всего — показаний обвиняемого) и их оценке. Хотя по закону следователям запрещалось «домогаться показаний или признания обвиняемого путем насилия, угроз или других подобных мер» (ст. 136 УПК РСФСР 1923 г.), однако на практике факты применения мер психологического и физического воздействия на допрашиваемых приобрели характер повсеместного и массового явления. Так следователи добивались «нужного» результата, и к уголовному делу приобщались «признательные» показания обвиняемых. В оправдание этой преступной практики прокурор СССР А. Я. Вышинский заявлял: по делам о государственных преступлениях показания обвиняемых «неизбежно приобретают характер и значение основных доказательств, важнейших, решающих доказательств».⁵ Уголовный процесс был превращен в действенный инструмент тоталитарной политики, когда законность приносилась в жертву целесообразности. И этот уголовный процесс базировался, прежде всего, на показаниях обвиняемых, точнее — на их признании мнимой вины.⁶

Укажем теперь основные направления современной российской уголовно-процессуальной политики, сообразно с которыми в наши дни осуществляется реформирование уголовного процесса. По аргументированному свидетельству А. И. Александрова, среди таких направлений должны быть названы: гуманизация уголовного процесса, повышение защищенности личности; строжайшее соблюдение законности; дифференциация уголовно-процессуальных форм; совершенствование организации системы правоохранительных органов, оптимальное распределение процессуальных прав и обязанностей между ними.⁷ Постараемся выяснить,

³ Кони А. Ф. Присяжные заседатели // Суд присяжных в России: Громкие уголовные процессы 1864–1917 гг. / сост. С. М. Казанцев. Л., 1991. С. 35.

⁴ Еженедельник советской юстиции. 1927. № 47. С. 147.

⁵ Вышинский А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1950. С. 264.

⁶ См. подробнее: Новиков С. А. Показания обвиняемого в современном уголовном процессе России. СПб., 2004. С. 45–58.

⁷ Александров А. И. Уголовно-процессуальная политика Российской Федерации на современном этапе: понятие и основные направления. С. 14–18.

насколько перечисленные направления повлияли на развитие института показаний, и какие проблемы при этом возникли.

Первым направлением названы **гуманизация уголовного процесса и повышение защищенности личности**. Это направление, базирующееся на признании человека, его прав и свобод высшей ценностью (ст. 2 Конституции РФ), реализуется посредством многих конкретных норм, регламентирующих получение показаний и их использование. Достаточно вспомнить, например, о прямом запрете применения при производстве любых следственных действий насилия, угроз и иных незаконных мер (ч. 4 ст. 164 УПК РФ), об ограничении предельной продолжительности допроса (ч. 2, 3 ст. 187 УПК РФ), об обеспечении не только подозреваемому, обвиняемому, но и свидетелю реальной возможности получения в ходе допроса своевременной юридической помощи (ч. 5 ст. 189 УПК РФ), о предусмотренных законом процессуальных мерах безопасности (ч. 3 ст. 11 УПК РФ).

Однако все это не означает, что потенциал названного направления полностью исчерпал себя. Напротив, необходимо дальнейшее укрепление гарантий всесторонней защищенности лица, согласившегося давать правдивые показания. Так, в настоящее время в России подкуп и принуждение к даче заведомо ложных показаний уголовно наказуемы лишь тогда, когда они совершены в отношении свидетеля, потерпевшего, специалиста или эксперта, но не в отношении подозреваемого или обвиняемого (ст. 309 УК РФ). Полагаем, что такой избирательный подход к уголовно-правовой защите допрашиваемых лиц ничем не оправдан и вызван, по-видимому, невнимательностью законодателя.

Небезупречны и существующие меры уголовно-процессуальной защиты. Допустив возможность использования псевдонима при допросе потерпевшего, свидетеля, законодатель не позаботился об обеспечении сохранности сведений об этом. Конверт с постановлением об использовании псевдонима предписано хранить приобщенным к материалам уголовного дела (ч. 9 ст. 166 УПК РФ), где вскрыть его для злоумышленников не составляет труда. Между тем согласно ч. 1 ст. 67 УПК Беларуси, например, аналогичное постановление незамедлительно направляется надзирающему прокурору и хранится им по правилам секретного делопроизводства. Поэтому и в России нужно, с одной стороны, больше внимания уделить месту и способу хранения сведений о личности защищаемого лица, а с другой — предусмотреть адекватные меры ответственности за незаконное ознакомление с такими сведениями.

Значительной криминогенностью обладают также положения ч. 1 ст. 276 УПК РФ, закрепившие условия оглашения показаний подсудимого, данных им при производстве предварительного расследования. Закон не дает возможности огласить такие показания, если подсудимый умер. Этим могут воспользоваться соучастники подсудимого, которых он ранее изобличал, давая показания в статусе подозреваемого и обвиняемого. Им достаточно устранить своего «разговорчивого» подельника до его допроса в суде, и изобличающие их показания «исчезнут» из доказательственной базы. Предложение по совершенствованию порядка оглашения показаний высказывалось нами еще десять лет назад, но до сих пор не воспринято законодателем.⁸

⁸ Новиков С. А. Новый Уголовно-процессуальный кодекс: показания обвиняемого // Российский следователь. 2002. № 2. С. 20–21.

Убедившись в наличии недостатков правового регулирования, препятствующих выбранному курсу на повышение защищенности личности, отметим и другой тревожный аспект проблемы: даже самые совершенные нормы без их реального соблюдения останутся пустой декларацией. Полагаем, именно в недостаточной практической реализации многих приведенных выше гуманистических положений заключена сегодня главная опасность.

Поэтому так важно следующее отмеченное А. И. Александровым направление — **строжайшее соблюдение законности** при производстве по уголовному делу, в том числе при получении, проверке и оценке показаний. За прошедшие годы многое сделано для того, чтобы принцип законности воплощался в жизнь, чему, в частности, способствуют нормы о своевременном допуске защитника (ч. 3 ст. 49 УПК РФ), запрет опираться на признание обвиняемым вины, не подтвержденное совокупностью доказательств (ч. 2 ст. 77 УПК РФ), возможность обжалования в суд действий и решений должностных лиц правоохранительных органов (ст. 125 УПК РФ), исключение сведений, полученных с нарушением закона, из числа допустимых доказательств (ч. 3 ст. 7, ч. 1 ст. 75 УПК РФ) и другие подобные положения.

На запрете использования в доказывании сведений, полученных с нарушением закона, надо остановиться особо. Согласимся с Л. В. Головкин, отметившим: «Институт допустимости доказательств служит средством, обеспечивающим соблюдение закона, поскольку исключение из процесса недопустимых доказательств — это, прежде всего, санкция, защищающая личность от нарушения ее прав».⁹

В то же время следует предостеречь теоретиков и правоприменителей от необоснованного исключения доказательств из числа допустимых под надуманными предлогами. Так, ошибочна точка зрения М. А. Фомина, считающего, что если подозреваемый дал «признательные показания» и «не подкрепил» их на своем допросе уже в качестве обвиняемого, а затем и подсудимого, то эти первоначальные показания, хотя и оформленные протоколом допроса без нарушения прав допрашиваемого (в том числе если они получены в присутствии адвоката), не могут быть положены в основу обвинительного приговора.¹⁰ Убедительных аргументов в пользу своего утверждения автор не приводит, не говоря уже о том, что и на действующем законе оно не основано.

Вообще, именно допустимость конкретного доказательства чаще всего становится предметом жарких дискуссий сторон в ходе судебного разбирательства. Ни в коей мере не оправдывая нарушений закона и призывая, напротив, ему неуклонно следовать, все же зададимся вопросом: любое ли нарушение процессуальных правил при получении доказательства, включая дефекты протоколирования, должно влечь признание его недопустимым? Полагаем, нет. Однако УПК РФ не учитывает характер допущенных нарушений и возможность их устранения, что зачастую вызывает затруднения у ученых и правоприменителей при оценке допустимости доказательств. На наш взгляд, в УПК РФ должно вернуться понятие *существенных нарушений*, поскольку не любые нарушения закона должны приводить к безусловному признанию недопустимыми полученных

⁹ Гуценко К. Ф., Головкин Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств. 2-е изд. М., 2002. С. 88.

¹⁰ Фомин М. А. Сторона защиты в уголовном процессе (досудебное производство). М., 2004. С. 179.

сведений. В качестве примера приведем такую ситуацию: в протоколе допроса обвиняемого указаны фамилия и инициалы приглашенного им защитника, а значит, протокол составлен с нарушением требований п. 3 ч. 3 ст. 166 УПК РФ, в силу которых имя и отчество всех участвующих лиц должны указываться полностью. Однако такое нарушение явно не должно уравниваться по последствиям со случаями, например, применения насилия при допросе или постановки допрашиваемому наводящих вопросов. Еще В. К. Случевский заметил, что одностороннее и неуклонное требование соблюдения процессуальных форм, независимо от значения каждой из них в частности, может оказать весьма вредное влияние на даваемые правосудием результаты. «Формы процессуальные, — отмечает ученый, — не что иное, как средство, при помощи которого уголовный Суд стремится к достижению своей цели — обнаружению материальной истины», а поэтому «всякое придание форме значения не средства, а цели судебной деятельности извращает судебную процедуру и легко может повлечь за собой весьма нежелательные для судебных интересов последствия».¹¹ Взвешенный же подход позволит сосредоточиться на борьбе с по-настоящему значимыми нарушениями.

При определении «существенности» того или иного нарушения нужно исходить из назначения уголовно-процессуальных форм, заключающегося, прежде всего, в обеспечении достоверности получаемых сведений и защите участников процесса от нарушения их прав. Эти критерии и должны стать определяющими. Надо оценить, как именно нарушение повлияло на достоверность полученных сведений либо в чем именно ущемлено право участника процесса.

Полагаем, российским правоведам следует больше учитывать зарубежный опыт. В США, например, судами исключаются улики и доказательства, собранные с грубыми нарушениями закона, поскольку такие действия полицейских нарушают Четвертую поправку к Конституции этой страны. Однако если нарушение закона является лишь «технической ошибкой» и работники полиции действовали «по доброй воле», то собранные улики и доказательства рассматриваются судом.¹² Неудивительно, что в заключении на проект УПК РФ, в свое время подготовленном Минюстом США, подчеркивалось, что предлагаемый подход к последствиям нарушений процедуры излишне строг. Вместо этого можно было бы исключить доказательства лишь в случаях, когда закон нарушен по существу.¹³

Полезным для нашей страны может оказаться также учет подходов к определению допустимости доказательств, предложенный разработчиками проекта нового УПК Республики Казахстан. В ч. 1 ст. 101 этого документа предлагается закрепить правило о том, что фактические данные должны быть признаны недопустимыми в качестве доказательств, если они получены с нарушениями закона, которые повлияли или могли повлиять на их достоверность, в том числе: 1) с применением пытки, насилия, угроз, обмана, а равно иных незаконных действий; 2) с использованием заблуждения лица, участвующего в уголовном процессе, относительно своих прав и обязанностей, возникшего вследствие неразъяснения,

¹¹ Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. Ч. II: Судопроизводство / под ред. В. А. Томсинова. М., 2008 (по изд.: СПб., 1913). С. 5.

¹² Стойко Н. Г., Никитин Г. А. Уголовный процесс в США: Защита личных прав и свобод. СПб., 2006. С. 49.

¹³ Цит. по: Правовая и криминологическая оценка нового УПК РФ. Материалы науч.-практ. конференции // Государство и право. 2002. № 10. С. 100.

неполного или неправильного ему их разъяснения; 3) в связи с проведением процессуального действия лицом, не имеющим права осуществлять производство по данному уголовному делу; 4) в связи с участием в процессуальном действии лица, подлежащего отводу; 5) с существенным нарушением порядка производства процессуального действия; 6) от неизвестного источника либо от источника, который не может быть установлен в судебном заседании; 7) с применением в ходе доказывания методов, противоречащих современным научным знаниям.¹⁴ Полагаем, что подобные, более конкретные критерии отнесения доказательств к числу недопустимых, должны появиться и в отечественном законе.

Пока же российским правоприменителям далеко не всегда удастся правильно разрешить вопрос о допустимости того или иного доказательства, в том числе показаний, что зачастую ведет к вынесению судом неправосудного приговора. Для устранения таких ошибок нередко требуется вмешательство Верховного Суда РФ.

Например, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 31 июля 2012 г. отменила приговор Тюменского областного суда, вынесенный с участием присяжных заседателей, по которому К. и Т. оправданы за непричастность к совершенному преступлению (квалифицированному убийству), и направила дело на новое судебное рассмотрение, указав следующее.¹⁵

В протоколе судебного заседания отражено, что государственный обвинитель заявил ходатайство об оглашении показаний Т., данных им на предварительном следствии, и об исследовании в присутствии присяжных заседателей видеозаписи соответствующего допроса. Однако суд признал протокол допроса обвиняемого Т. и видеозапись данного следственного действия недопустимыми доказательствами и со ссылкой на принятое решение в удовлетворении ходатайства отказал. При этом суд сослался на нарушения закона, выразившиеся, по его мнению, в том, что допрос фактически осуществлялся следователем-криминалистом, который не входил в следственную группу по расследованию этого преступления, а был допущен следователем к участию в допросе в качестве специалиста. Кроме того, в протоколе отсутствуют сведения о том, что вопросы допрашиваемому Т. ставились следователем-криминалистом с разрешения следователя. Помимо этого в протоколе не отражены сведения о технических средствах, которые использовались при проведении допроса.

Между тем, отметила Судебная коллегия, суд не учел положения п. 40-1 ст. 5 УПК РФ, в соответствии с которыми следователь-криминалист имеет право участвовать в производстве отдельного следственного действия, в том числе допроса обвиняемого, не принимая к своему производству соответствующее уголовное дело. Поэтому он вправе участвовать в производстве отдельных следственных действий и не входя в состав следственной группы по расследованию данного преступления. Суду следовало лишь проверить, давалось ли руководителем следственного органа следователю-криминалисту поручение об участии в допросе обвиняемого Т.

Относительно видеозаписи допроса Судебная коллегия подчеркнула, что в силу ч. 4 ст. 190 УПК РФ протокол такого допроса должен содержать:

¹⁴ Досье ITS на проект Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан // <http://www.zakon.kz/4526068-dose-its-na-proekt-ugolovno.html> (дата обращения: 12.08.2012).

¹⁵ *Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 31 июля 2012 г. № 89-О12-30СП // БВС. 2012. № 12. С. 32–34.*

запись о самом факте проведения видеозаписи, сведения о технических средствах, а также об условиях проведения видеозаписи, фактах приостановления записи, причине и длительности остановки записи. Как следует из протокола допроса обвиняемого Т., эти требования закона следователем выполнены. В частности, до начала допроса участвующим лицам объявлено о применении цифровой видеокамеры и лазерных компакт-дисков. В протокол занесены сведения об имевших место в ходе допроса остановках видеозаписи с указанием причин и длительности таких остановок, данные о времени окончания видеозаписи, предложение следователя о просмотре содержания записи, а также сведения о том, что к протоколу приложены лазерные компакт-диски марки «Сони», содержащие информацию о допросе обвиняемого Т.

Таким образом, резюмировала Судебная коллегия, необходимые и требуемые уголовно-процессуальным законом сведения, касающиеся использования в ходе допроса технических средств, кроме сведений о наименовании записывающего устройства, в протокол допроса были занесены. Отсутствие же в нем сведений о наименовании записывающего устройства как единственное обстоятельство, указывающее на несоблюдение требований ч. 4 ст. 190 УПК РФ, с учетом того, что все иные требования названной нормы закона следователем выполнены, не может рассматриваться в качестве нарушения, влекущего признание этих доказательств недопустимыми, поскольку **данное нарушение носит формальный характер** (выделено мной. — С. Н.) и оно могло быть устранено в судебном заседании.

Следующий аспект, касающийся укрепления режима законности — усиление ответственности участников процесса за ненадлежащее исполнение ими своих обязанностей. Причем речь идет об ответственности не только властных участников процесса, но и других лиц, например, свидетелей.

Подчеркнем, что проблема лжесвидетельства остается в России одной из наиболее острых. Причин для этого множество: и чрезмерно «мягкая» санкция ст. 307 УК РФ, и возможность освобождения от ответственности при добровольном саморазоблачении, и недостаточно активная позиция правоохранительных органов. В результате дача заведомо ложных показаний свидетелями стала в России практически ненаказуемой.¹⁶ От этого — высокий риск судебных ошибок, угроза интересам правосудия и простых граждан. Поэтому мы выступаем за серьезное усиление уголовной ответственности для лжесвидетелей, ее дифференциацию при наличии таких признаков, как, например, согласованная дача заведомо ложных показаний двумя и более лицами. Кроме того, следует изменить примечание к ст. 307 УК РФ, предусмотрев не обязательность, а лишь возможность освобождения лжесвидетеля от ответственности, если он добровольно сообщил о данных им заведомо ложных показаниях.

Третье упомянутое нами направление — **дифференциация уголовно-процессуальных форм**. Исследователи заявляют, что тенденция дифференциации представляет собой нормальный, естественный процесс развития законодательства, причинами которого являются, во-первых, развитие общественных отношений, во-вторых, необходимость установления дополнительных гарантий защиты прав и свобод граждан и организаций,

¹⁶ Новиков С. А. Правдивые показания: правовые меры стимулирования в России и за рубежом (уголовное судопроизводство). СПб., 2008. С. 103–174.

а также рационализация и оптимизация процесса.¹⁷ Применительно к институту показаний вспоминаются, прежде всего, положения раздела Х УПК РФ, устанавливающие особенности судопроизводства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением и при заключении с подозреваемым, обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве. Оставив подробный анализ упомянутых положений для отдельного исследования, заострим внимание на одном, весьма опасном аспекте.

Нельзя не заметить, что с момента принятия действующего УПК РФ наблюдается устойчивая тенденция придания все большего значения признанию обвиняемым своей вины, что зачастую влечет за собой особый (сокращенный) порядок принятия судебного решения без полноценного судебного следствия. Очевидно, что такой порядок менее защищен от судебных ошибок, однако область его применения постепенно только увеличивается: если вначале положения главы 40 УПК РФ применялись лишь по делам об относительно нетяжких преступлениях, то впоследствии они были распространены на дела о преступлениях, максимальный срок наказания за которые может достигать десяти лет лишения свободы,¹⁸ а теперь, за счет случаев заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, особый порядок применяется даже по уголовным делам об особо тяжких преступлениях.

Уместно напомнить позицию академика В. Н. Кудрявцева, выступавшего против появления в России особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с обвинением и призывавшего не подражать худшим образцам компромиссов с преступным миром. «Потребность в подражании Западу, — отмечал ученый, — в данном случае нетрудно объяснить перегрузкой судов и стремлением преодолеть судебную волокиту. Однако при этом нельзя забывать, что данную новеллу будут приветствовать не только преступники, за которыми много нераскрытых преступлений, но и другие нечистоплотные участники процесса, соглашаясь на такую сделку за соответствующую мзду».¹⁹ Кроме того, В. Н. Кудрявцев подчеркнул, что и на Западе далеко не все юристы приветствуют сложившуюся там практику компромисса сторон. Им приводится следующая небезынтересная оценка Ланбейна и Н. Кристи: «В Америке сейчас, в XX веке, мы возрождаем практику ведения дел, принятую в средневековой Европе: внимание уделяется прежде всего не рассмотрению сути дела, а признанию, полученному от обвиняемого. Мы вынуждаем обвиняемого признать свою вину. Действуем мы, естественно, более цивилизованно: не загоняем иголки под ногти, не надеваем испанский сапог. В одном мы уподобляемся средневековым палачам: делаем все, чтобы обвиняемый понял, какую непомерную цену он заплатит, если будет добиваться предоставленных Конституцией гарантий».²⁰ Над такой критической оценкой стоит задуматься и российским правоведам.

Годы, прошедшие с момента появления в России института особого порядка, предусмотренного гл. 40 УПК РФ, выявили как сильные, так и слабые его стороны. Действительно, этот институт способствует скорому

¹⁷ Лукьянова Е. Г. Теория процессуального права. М., 2003. С. 149.

¹⁸ Федеральный закон от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 27 (ч. 1). Ст. 2706.

¹⁹ Кудрявцев В. Н. Стратегии борьбы с преступностью. М., 2003. С. 215.

²⁰ Кристи Н. Борьба с преступностью как индустрия. 2-е изд. М., 2001. С. 157; Цит. по: Кудрявцев В. Н. Стратегии борьбы с преступностью. С. 216.

разрешению дела, процессуальной экономии, но кто готов назвать число обвиняемых, за минувшее десятилетие оговоривших себя, лишь бы быстрее завершилось их уголовное преследование? Можно спорить об экономических возможностях государства, рассуждать о целесообразности аккуратного расходования сил и средств судейского корпуса, однако ясно одно: особый порядок менее защищен от судебной ошибки, чем порядок общий.

Поэтому мы считаем, что в современной России следует взять курс не на расширение, а, наоборот, на постепенное сужение области применения названного особого порядка. Это будет в полной мере способствовать ранее рассмотренным нами направлениям уголовно-процессуальной политики: гуманизации, повышению защищенности личности, строжайшему соблюдению законности. Ведь, по обоснованному наблюдению П. С. Элькиндр, дела, которые на первых порах представляются «простыми», «ясными» и «очевидными», оказываются совсем не такими после их тщательного и всестороннего расследования и судебного рассмотрения.²¹

Другой важный момент: институт особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с обвинением не должен смешиваться с принципиально иным институтом — досудебным соглашением о сотрудничестве (гл. 40-1 УПК РФ). Ведь существо особого порядка принятия судебного решения составляет добровольный отказ обвиняемого от «надлежащей правовой процедуры» и его согласие с обвинением в обмен на смягчение наказания. В свою очередь, суть досудебного соглашения о сотрудничестве состоит в том, что обвиняемый «обменивает» на смягчение наказания определенный объем помощи, оказываемой стороне обвинения в раскрытии преступления и уголовном преследовании соучастников. Соответственно, при досудебном соглашении о сотрудничестве «надлежащая правовая процедура» должна соблюдаться.²²

Вообще, само стремление законодателя поощрить содействие обвиняемого в расследовании преступления заслуживает поддержки. Но следует помнить, что у такого содействия, особенно облеченного в известную форму «договорного сотрудничества», есть и обратная, неприглядная сторона: высокая опасность оговора невиновного, на который может пойти обвиняемый, желая заключения соглашения и положения смягчения наказания. Именно поэтому показания обвиняемого, данные им в рамках выполняемого соглашения о сотрудничестве, должны не слепо приниматься на веру, а проверяться не менее тщательно, чем другие собранные доказательства.

Наконец, еще одно направление, которого мы коснемся, — **оптимальное распределение процессуальных прав и обязанностей между властными субъектами уголовного процесса**. Разумеется, изменение правового статуса этих субъектов зачастую самым серьезным образом влияет на их участие в доказывании, а от этого, в свою очередь, зависят точность и быстрота установления обстоятельств совершенного преступления. И надо признать, что сегодняшней правовой статус властных субъектов (прокурора, например) остается далеким от оптимального. Сказанное в полной мере относится к получению, проверке и оценке показаний.

²¹ Элькиндр П. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л., 1976. С. 75.

²² Подробнее см.: Новиков С. А. «Сделка о сотрудничестве» по-российски: вопросы теории и практики // Правовой аспект. 2012. № 2–3. С. 82–83.

Так, с 2007 г. согласие следователю на обращение с ходатайством в суд дает руководитель следственного органа.²³ При этом руководителю следственного органа предоставлено право лично допрашивать подозреваемого, обвиняемого без принятия уголовного дела к своему производству при рассмотрении вопроса о даче согласия следователю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, о продлении, об отмене или изменении меры пресечения (п. 4 ч. 1 ст. 39 УПК РФ). Такой допрос позволяет руководителю следственного органа лучше понять позицию подозреваемого, обвиняемого, проверить обоснованность возбужденного следователем ходатайства.

Однако прокурор по действующему закону лишен права лично производить допрос кого-либо из участников процесса, не исключая и те ситуации, когда он рассматривает вопрос о даче согласия дознавателю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, о продлении, об отмене или изменении меры пресечения. Между тем предоставление в этой ситуации прокурору права, аналогичного имеющемуся у руководителя следственного органа, — лично допрашивать подозреваемого, обвиняемого, — несомненно способствовало бы принятию прокурором более взвешенного, обоснованного и справедливого решения.

Более того, прокурор вообще теперь не вправе участвовать в производстве следственных действий в ходе досудебного производства по уголовному делу, в том числе при производстве следователем, дознавателем допросов и очных ставок. А ведь ранее, на протяжении десятилетий, такое право прокурора считалось неотъемлемым. Авторы, посвящавшие участию прокурора в следственных действиях целые монографии, обоснованно заключали, что такое участие «обеспечивает всестороннее изучение личности обвиняемого, наиболее полное выявление причин и условий, способствовавших совершению преступлений, и обеспечивает осуществление эффективных мер по предупреждению преступности».²⁴ Что касается непосредственно допроса, то, по наблюдению Г. И. Скаредова, участие в нем прокурора «повышает ответственность следователя за качество и полноту допроса, обеспечивает оперативность и действенность этого следственного действия, предупреждает допущение процессуальных ошибок, служит важной гарантией осуществления прав и законных интересов граждан, попавших в сферу уголовного судопроизводства».²⁵ Изложенные выводы и теперь не утратили своей значимости, а может быть, стали еще актуальнее. Поэтому существующий подход должен быть признан ошибочным. Отсутствие у прокурора права участвовать в следственных действиях (прежде всего, таких ответственных, как допрос обвиняемого, подозреваемого, очная ставка с их участием, допрос потерпевшего, ключевых свидетелей и т. п.) может привести к нарушению прав участников процесса, упущениям в процессе доказывания, а также затруднит принятие самим прокурором законных и обоснованных решений.

Поэтому необходимо расширить полномочия прокурора, прямо предусмотрев в ч. 2 ст. 37 УПК РФ право прокурора участвовать в следственных действиях в ходе досудебного производства, а также лично допрашивать подозреваемого, обвиняемого без принятия уголовного дела к своему

²³ *Федеральный закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. № 24. Ст. 2830.*

²⁴ *Скаредов Г. И. Участие прокурора в следственных действиях. М., 1987. С. 72.*

²⁵ Там же. С. 104.

производству при рассмотрении вопроса о даче согласия дознавателю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, о продлении, об отмене или изменении меры пресечения. Такое дополнение полномочий прокурора будет соответствовать тенденциям повышения защищенности личности и укрепления режима законности.

Подводя итоги, констатируем, что отношение законодателя и правоприменителя к институту показаний (прежде всего — показаниям обвиняемого) позволяет определить главные постулаты, базовые идеи уголовного процесса соответствующей эпохи. Основные направления современной уголовно-процессуальной политики России, выражающие стремление власти к гуманизации и законности, нашли свое отражение в нормах института показаний и их воплощении в правоприменительной практике. Вместе с тем имеются серьезные проблемы, которые затрудняют успешное развитие института показаний, сообразное выбранным направлениям. Надеемся, что изложенные выше предложения и выводы помогут в скорейшем решении этих проблем.